

Культурный ландшафт Тюмени

Нетектоничные (ложные) решения в архитектуре принимаются автором под давлением инвестора, обстоятельств, моды, собственной склонности. Их нельзя запретить архитектурными или градостроительными нормативами, постановлениями правительства или экспертизы. Это результат тренда культуры и мировоззрения. Такой результат станет невозможным только по мере созревания общества, понимания архитектуры и опасения нарушения фундаментальных законов бытия и сознания. Это возможно только тогда, когда общество вернется к пониманию места архитектуры как рукотворной колыбели общества, в которой формируется, выкристаллизовывается человеческое достоинство. В этом отношении античный мир был несравненно более зрелым, если никому тогда не могло придти в голову изображать архитектурой не то, чем она являлась, а другой, ушедший мир, мыльные архитектурно-косметические пузыри и тоску по канувшим в Лету идеалам.

Татьяна
Иосифовна
БОРКО

ГОРОД, В КОТОРЫЙ ХОТЕЛОСЬ БЫ ВОЗВРАЩАТЬСЯ (интервью с О. Трофимовой)

Поговорить о городе теперешнем и десятилетней давности я решила с Ольгой Трофимовой, художником, профессором Института архитектуры, дизайна и визуальных искусств. Интересно было узнать мнение живописца, замечаящего все детали, тонко переживающего изменения, происходящие с городской средой. К тому же, Ольга много путешествует, что дает возможность, возвращаясь из странствий, взглянуть на родной город со стороны. Наш диалог начался в кукольном театре, где Ольга работала в это время над спектаклем («Барышня-крестьянка» А. С. Пушкина) в качестве художника по костюмам. Изредка к разговору подключался Сергей Перепелкин, главный художник театра. А затем мы переместились в мастерскую Ольги, где и завершили беседу. Для начала я спросила, конечно же, о том, что изменилось в ощущении города. Я даже не имела в виду внешний облик города, меня интересовало восприятие себя в качестве горожанина.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

*портрет города, зрительный образ, детали,
старый центр, исторический облик города*

Б. Т.: Что ты можешь сказать о городе, как виделся он тебе 10 лет назад и каким предстает сейчас? В сознании ведь рождается некоторое представ-

ление, портрет города. Я имею в виду даже не зрительный образ, а ощущение. Из каких деталей, по-твоему, складывается такой портрет (видимый, психологический, эмоциональный)?

Трофимова Ольга: Я как раз об этом недавно беседовала с Ириной Лядовой, режиссером из Екатеринбурга. Она, когда приехала в Тюмень, была изумлена. Во-первых, для нее было сюрпризом, что Тюмень гораздо старше Екатеринбурга. Во-вторых, она сказала, что даже если этих знаний (о возрасте города) нет, то все равно чувствуется старина, чувствуется, что он заслуженный по своим годам.

Б. Т.: По каким приметам она это почувствовала?

Ольга Трофимова: Вероятно, потому что она останавливалась в театре кукол, гуляла по этому историческому пятаку, по старому центру Тюмени. Это, действительно, один из самых интересных районов города.

Б. Т.: Значит, у приезжих возникает ощущение, что старый центр города сохранился?

Ольга Трофимова: Наверно. Там, действительно, больше всего исторического. Я сама вчера вышла из театра вечером, поняла, что я еще не хочу домой, дошла до сквера Борцов революции, завернула к бывшему зданию гимназии... Там так чудно падал свет фонарей на краснокирпичную стену. В этом была какая-то естественность, природность, и материал, который реагирует на изменения времени суток, освещения, на состояние атмосферы (дождь, снег, солнце).

Б. Т.: Если говорить об историческом облике города, что ты считаешь выдающимся для Тюмени? Какими бы объектами представила город среди других, что бы показала приезжим?

Ольга Трофимова: Деревянную резьбу Тюмени, конечно, это всегда первый признак нашего города...

Сергей Перепелкин (соглашается по поводу деревянной резьбы) и продолжает: Я вот думаю, у нас были все возможности сохранить архитектурные памятники. Здесь не было никаких военных событий, не было разрушений, никаких других катастрофических для города ситуаций. К сожалению, город — не музейное собрание, город приспособляется к тем реалиям, в которых существует.

Б. Т.: Да, и взаимоотношения жителей с городом меняются. Что изменилось, что нарушилось или, может быть, наладилось в смысле идентичности себя как гражданина Тюмени?

Ольга Трофимова: Конечно, изменилось. Безусловно, можно говорить о кризисе идентичности. Раньше в городе были места, где я что-то чувствовала: состояния, образы; места, где можно было мечтать.

Б. Т.: Что это за места? Они связаны с воспоминаниями детства, юности? Или с чем-то иным?

Ольга Трофимова: Да нет, не с воспоминаниями, а с ощущением пространства, где постоянно происходили некие открытия. Как процесс. В городе было свое пространство.

Культурный ландшафт Тюмени

Б. Т.: Для тебя как для художника пространство связано с историческими постройками? Для тебя важен зрительный образ города, сооружения, их взаимное расположение?

Ольга Трофимова: Для меня важен синтез, когда природа и архитектура существуют в гармонии, когда использование каждого материала имеет определенный смысл. Для меня это важно. Район, в котором я сейчас живу, например. Это створ улицы Горького, буквально примыкающий к реке, и угол Щорса. Там есть две совершенно не прибранные улицы. В том смысле, что там есть довольно «дикие» места, не обновленные старые фасады домов. Эти дома — не памятники архитектуры. Там растут естественные деревья, там стоят палисадники. Зимними вечерами там есть запах печного дыма. Я смотрю на все это, и у меня глаз получает наслаждение от художественного переплетения веток, фактур, поверхностей, от того, что зеленый мох растет на старых крышах. Я понимаю, что это, возможно, проблемно для жилья, и тот, кто там живет, наверное, мечтает перебраться в светлые, новые квартиры. Но это интересно как пейзаж, как история, наполнено настроением!

Вот еще одно из последних, радостных впечатлений от общения с городской средой. Я хожу в бассейн на территории бывшего судостроительного завода, прохожу по улице Горького, пересекаю дворы, подныриваю под трубы, мимо зеленых елок, под которыми лежат хвоя, шишки, попадаю на территорию завода и понимаю, что вот ощущение города, который я помню. Там все так спокойно и насыщено тишиной. Хотя промышленные цеха покинуты, вовсе нет чувства запустения. Есть природность, присутствие человека и чувство безопасности. Производство заброшено, но не появляется ощущение ужаса или тоски, в самом пространстве есть доминанта света, свежего воздуха. Не грязные, заскорузлые пласты серой гари, покрывающие весь город, не выскобленные до голого асфальта тротуары, а чистый снег и синие тени на снегу. Это ощущение той Тюмени, которая мне нравилась.

Б. Т.: Может быть, такое ощущение города и пространства появляется с взрослением. Своего рода ностальгия по юности, спроецированная на топографию?

Сергей Перепелкин: Может быть. Тогда город казался своим, родным. Я себя ловлю на мысли, что когда я учился в училище искусств, я шел после занятий пешком домой на Ялуторовскую, и все встреченные девушки были мне знакомы. А сейчас нет этого чувства, сейчас город кажется чужим, словно выталкивает тебя.

Ольга Трофимова: Сейчас город, скорее, разъединяет. Возникает необходимость быстро осваивать определенные технологии, успевать во множество мест в короткое время, поэтому не хватает нормального человеческого общения. Новый коммуникативный язык (твиттер, Интернет) не может быть тотальным правилом. Существует иллюзия общения. Проблема одиночества и разрозненности растет. Что можно противопоставить?

Наращивание социальных связей. Всегда есть люди, для которых все еще остаются такие ценности, как свободная совместная деятельность. Когда мы делаем экспозицию выставки вместе со студентами, оформляем работы, совместно создаем пространство, появляется все самое интересное. У одних есть готовность работать вместе, потратить свое личное время на совместный проект. Другие не готовы к этому, возможно, впервые жертвуют личным в пользу общественного. У художников изменилось отношение к выставкам в смысле готовности и возможности объединяться. Последнее выдающееся событие в городе — выставочный проект «Точка сборки»¹. Было создано интереснейшее экспозиционное пространство, объединившее самых далеких и разных художников города. Многие наши талантливые студенты показали свои работы на этом фестивале. Но мне бывает предсказуемо грустно от того, что на молодежных выставках появляются большей частью те работы, которые выполнены по заданию преподавателей. Это творческие задания, но я хочу видеть автономные авторские вещи, которые выполнены в параллель с учебными. Наверно, это недостаток поколения и времени.

Сергей Перепелкин: А я думаю, не только. Есть, вероятно, какие-то глубинные изменения, причин которых мы не знаем. У меня ощущение, что когда мы делали свои выставки, тогда все были талантливы, каждый был талантлив.

Б. Т.: Потому что было всеобщее воодушевление. И даже если работа выполнена не очень качественно с формальной точки зрения, эти промахи не замечались из-за воодушевления, эмоциональности, пронизывающей работы. Кстати, у меня воспоминания о Тюмени 80-х, начала 90-х связаны именно с обилием художественных выставок, устраиваемых коллективом выпускников училища искусств. Тогда ведь не было ощущения недостатка культурного пространства? Вы его сами вокруг себя создавали. Жили в нем. Не надо было его искать, не надо было выпадать из обыденного пространства, уходить в вымышленное. Оно было сделанной вами реальностью, установленной реальностью.

Ольга Трофимова: А потом началась катастрофа, с 1991 г. Все были поставлены в условия новой игры, правил которой никто не знал. Потом стало выясняться, что мы живем в месте, в котором не происходит ничего хорошего (я не имею в виду Тюмень, я имею в виду страну). Уже со времен перестройки было страшновато и грустно. В Питере, где я училась², это не так ощущалось. Питер — все-таки культурный перекресток, там есть свой дух места. А здесь, что бы ни происходило, остается малозначимым для большинства людей. Но ради людей, для которых это важно, остаешься

¹ Выставка организована Полиной Борисовой (ООО «Сибирский центр культурных инноваций»).

² О. Трофимова окончила Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухомовой, отделение моделирования костюма.

Культурный ландшафт Тюмени

здесь. Образуется круг социальных связей наподобие семьи. Я говорю в широком смысле. Мне кажется, семья как какое-то цельное сообщество, коллектив родственных душ — единственное, что может существовать в России. Если говорить об идеальной структуре, будь то коллектив сотрудников или город в целом, это должна быть общность людей, объединенных множеством творческих целей, прошлым и будущим.

Б. Т.: Что значит для тебя понятие «удобный город»? Или «удобный жилой район»?

Ольга Трофимова: Я не понимаю, почему понятие «светлая, красивая квартира» предполагает также понятие «спальный район», в котором глазу предоставлены только скучные вертикальные и горизонтальные линии. Меня пронзает моментальная депрессия. В моем представлении полноценный жилой район — это малоэтажный район, который обязательно учитывает не только потребности человека внутри дома, но и человека, который проходит рядом с домом. Должны быть какие-то живые промежуточные зоны между внешним и внутренним пространством, например, терраса, на которую хозяин выходит пить чай, играть с детьми, любоваться зеленой улицей. Мне, как прохожему, было бы гораздо приятнее проходить по пространству, насыщенному событиями обустроенной семейной и социальной жизни людей, потому что я бы не чувствовала себя на такой улице в состоянии потенциальной агрессии. Я бы шла от дома к дому, от семьи к семье, от одного образа жизни к другому. Это очень хорошо чувствуется в европейских маленьких городках, поселках. Ты, как пешеход, постоянно созерцаешь изменчивую человеческую жизнь, ее проявления.

Б. Т.: Может, у нас это не в традициях. Культура не предполагает такой вот открытости миру? Скорее, каждый стремится отгородиться, изолироваться.

Ольга Трофимова: Ну почему же? Мои бабушка с дедушкой жили на улице Северной. Дети всегда играли на улице, даже не во дворе закрытом, а снаружи. Это ведь тоже выстраивание потенциальных будущих связей. То, что сейчас родители не могут отпустить на улицу ребенка без страха, что что-нибудь случится, в этом отчасти виновата и градостроительная обстановка. То есть, мы делаем большой двор и сразу превращаем его в автостоянку. Функции пространства меняются и работают против живущих во дворе. Пространство не объединяет их, а отгораживает друг от друга. Конечно, никто не заставит объединиться жильцов дома какими-то насильственными мерами. Значит, надо обеспечить такое объединение самими дизайном, устройством общественного пространства. Дмитрий Зеленин¹ сейчас работает над переосмыслением пространства подъездов, привлекает художников для росписи подъездов. Надо создать как можно больше

¹ Дмитрий Зеленин — тюменский фотограф, издатель, организатор арт-проекта «Цвет города». Под его руководством стена здания во дворе гимназии № 5 оформлена в виде книжной полки.

многофункциональных удобных возможностей для разных форм жизни, связанных с устройством дома.

Б. Т.: Я думала, что человек формирует вокруг себя ту среду, которая соответствует его мировоззрению. Но, можно сказать, среда формирует человека, либо развивает какие-то тенденции в поведении.

Ольга Трофимова: Да, вот допустим, у нас выстроена дорожная инфраструктура таким образом, что дороги доминируют над тротуарами. На этом уровне существует приоритет машин над человеком. Но ведь это не значит, что невозможен другой вариант дворового устройства, который предполагает, скажем, непрерывный тротуар, предполагает, что дорожное движение подчинено пешеходам. То есть, машины должны тормозить перед дорожками, по которым ходят люди, старики, дети. Это вполне выполнимо, может существовать не только на уровне проекта, но может быть внедрено. У нас сейчас культура двора абсолютно подавлена металлической машинной цивилизацией, так что детские площадки кажутся странными вкраплениями. Они унифицированы, они не подразумевают никакого творчества людей.

Б. Т.: Я вспоминаю выставки дизайнеров. Последние годы было представлено множество градостроительных проектов. Ведь все, о чем мы говорим, легко можно продумать и включить в проект. Но я не припоминаю подобных предложений относительно Тюмени. Можно, наверно, привнести творческий дух и в облик городской среды?

Ольга Трофимова: Да, но, к сожалению, язык промышленного прогресса не предполагает какие-либо ценностные аспекты. Прежде всего, это простая экономика. Я не вижу, чтобы следствием современной проектной культуры стало счастье. Дизайн у нас предполагает, прежде всего, технологический подход, освоение новых материалов. И у нас это не всегда сопоставляется с высоким эстетическим уровнем. Мы не привлекаем серьезные концептуальные проекты архитекторов мира. Сами строим странный образ города, иногда бутафорский. Когда я в 2005 г. была в Ханты-Мансийске, видела там символическую картину: старые бараки, обшитые с трех сторон металлопластиком, с оставленной старой облупленной стеной со стороны двора... Экспансия новых материалов, агрессивное вторжение в старый облик городской архитектуры. У нас нет согласованности со сложившейся архитектурной средой. Город заполнен, насмерть забит странными предметами, состояниями, так что человеку и природе уже просто мало места.

Сергей Перепелкин: Мне тоже не хватает деревьев. Раньше город был зеленый.

Ольга Трофимова: Вообще очень изменились отношения с природой. У нас нет травы, нет деревьев. Я была в Омске год назад и наслаждалась присутствием в городе живой природы. Природа может присутствовать в городе в разном виде: это может быть ворох сухих листьев на газоне. У нас это вычищается вместе со слоем травы. От природы хотят упорядоченности, искусственности, чтобы она уподобилась предсказуемым синтетическим материалам. Хочется других отношений с миром, естественно-

Культурный ландшафт Тюмени

сти, природности. Ведь в природе как происходит? Прошел дождь, краски стали ярче, ароматы насыщеннее, все обновляется. А новые материалы совместно со случайной архитектурой создают пространство фальши, лжи. В таком мире ничего не происходит. А если в нем ничего не происходит, зачем учиться его понимать, учиться видеть, слышать, чувствовать?

Человек не задумывается о диалоге с природой. Мы утратили прежний язык общения. Целью коммуникации сегодня становится потребление и предоставление услуг. Языком нашего общения становится язык потребления. Меня травмирует при этом, что большинство новых, создаваемых объектов не функционально, ими нельзя воспользоваться. Например, пандусы для инвалидов, которые не работают, всюду эта гладкая плитка, на которой люди падают и травмируются.

Б. Т.: Действительно, под видом улучшения городской среды совершается что-то, что делает город все менее удобным для проживания. А порой и страшным. Тебе никогда Тюмень не казалась страшным городом?

Ольга Трофимова: У меня было неприятие Тюмени, когда я вернулась из Питера после учебы. Тогда я ощутила, что здесь некультурное простран-

Ю. Д. Юдин. ВЕЧЕР НА УЛИЦЕ ГЕРЦЕНА. 2009

ство. Тогда состоялась негативная встреча с Тюменью. Но есть круг людей, пусть небольшой, которые определяют культурное пространство Тюмени.

Сергей Перепелкин: Я когда приехал из деревни, мне город казался очень страшным, очень враждебным. В деревне мне нравилось все, все казалось красивым, даже мусор: горы щебня, пятна бензина в лужах, которые так красиво переливались. А в городе всюду была грязь. Я вот до сих пор удивляюсь, откуда в Тюмени появляются художники? В детстве только пространство двора было более-менее освоенным. Все остальные части города враждебны, можно сказать, эстетически враждебны. Здесь низкий эстетический уровень, потому что мы росли на помойке. Представление о красоте складывалось по конфетным этикеткам.

Ольга Трофимова: И по новогодним игрушкам. Это одно из самых интернациональных и «культурных» воспоминаний детства современного мира. А насчет агрессивной в эстетическом плане среды я согласна. Меня всегда травмировало, когда я возвращалась в город из лесного кордона. Воздух уже тогда был достаточно «бензиновый». В детстве я много времени провела дома, как «книжный» ребенок, и мое первое «общество» — художественная школа. Интерес сформировался не сразу, школа есть школа, а дома я рисовала свободно. Но потом дружеские связи меня втянули в мир людей. И тогда же примерно произошла первая встреча с Городом, когда нас, студентов, отправили на пленэр. И это была, прежде всего, историческая категория, наполненная смыслами, ценностью, временем...

Сергей Перепелкин: Кстати, у меня тоже заинтересованное, эстетическое отношение к городу появилось, когда вышли с художественной школой на пленэр. Так вроде глазу зацепиться не за что, серенькое все. А тут повод выбраться наружу, посмотреть иным взглядом.

Б. Т.: А вот если вы уезжаете куда-то далеко, возвращаетесь с удовольствием или с неохотой?

Перепелкин Сергей: Я однажды возвращался в Тюмень весной. Ехал в поезде, смотрел в окно. Начинало зеленеть, распустились только что первые листочки, я понял, как хорошо приезжать сюда.

(Это последняя реплика Сергея, далее мы продолжили разговор вдвоем).

Б. Т.: Что касается эстетических характеристик, многие считают, что город стал лучше, красивее, чище, современнее. Может, меняются тенденции градостроительства, обусловленные строителями? Или облик города меняется благодаря дизайнерам?

Ольга Трофимова: Конечно, можно рассмотреть некоторые тенденции в дизайне. Но дело в том, что мне сейчас интересна проблема ремесла. Сейчас это исчезающий род занятий. Стандарт победил ручную работу. Уникальное ремесло, интегрированное в дизайн, в реальные проблемы среды могло бы стать частью образа города. Когда случайно встречаешь в городе еще какие-то самодельные объекты, порой странно созданные, но с душой, то это даже поражает. Вот однажды в школьном дворе (по-моему, тогда ждали год тигра)

Художественный ландшафт Тюмени

появились совершенно самобытные, вырезанные лобзиком из фанеры, расписанные детьми inferнальные рожицы тигров, развешанные на деревьях. Порой находишь в старой части города странные приспособления дворовой утвари, выполненные местным дядей Васей — и это воспринимается как проявление творчества и равнодушия. Понятие «умелец» подразумевает личностное, уникальное начало. И таких людей сейчас очень мало.

Б. Т.: Может, для современного общества подобная деятельность не является ценностью.

Ольга Трофимова: Для меня лично является. Это требует особых затрат. Человек должен посвятить этому часть своей жизни. Сложно представить, что кто-то будет оплачивать совершенно личное творчество, порой комичные придумки личности. Это сродни истории художника, музыканта, артиста. Корни деятельности располагаются в том времени, когда каждый из людей должен был уметь многое делать просто сам. Плести кружева, шить одежду, строить дом и сажать сад... Сейчас если это вписывается в проектный метод современного производства, то ставится на конвейер. И обязано приносить прибыль. Непонятно, куда пристраивать порывы души и практику творчества? Это серьезная проблема. В создании уникальных вещей есть служение и даже есть элемент героизма.

Б. Т.: Когда создают городской проект, думают об экономическом удобстве. Думают об инфраструктурах, которые включают продуктовые и промышленные магазины, стоянки, дороги.

Ольга Трофимова: Само собой, магазины горожанам необходимы. Но сейчас очень много таких, которые торгуют «пластиковой» едой. Хотелось бы иметь рынок с экологическим сегментом товаров. Лучше, когда рядом с домом есть такое место. Теперь это становится необходимостью и роскошью. В моем районе есть спортивный комплекс «Прибой», не так далеко бассейн «Геолог» и бассейн судостроительного завода «Нептун». Но прежде бюджетный и доступный «Геолог» превратился в элитарную спортивную площадку. Спортивно-юношеский центр «Прибой» предполагает подготовку олимпийских резервов. В этом смысле не хватает демократичных, доступных центров для отдыха. И еще у меня поблизости нет того самого, идеального для Тюмени парка, в котором безопасно и хорошо для людей и природы.

Б. Т.: Ну, вряд ли кто-то из жителей Тюмени может похвастать тем, что имеет рядом парк.

Ольга Трофимова: Да, недостает красивого, сложного парка, который был бы не собранием аттракционов, коммерческим проектом, не набором железобетонных лавочек, являющихся временным пристанищем для подростков, а природного места, где можно насладиться общением с живой природой: шумом листьев, тишиной, пением птиц. Не так далеко есть Александровский сад. Его не так давно благоустроили. Но это свадебный проходной двор. Постоянно пробегают женихи, невесты, фотографы, гости.

Шампанское. Популярная сцена для фотосессий. Я не знаю в Тюмени природных парков, в которых можно было бы отметить безопасность, пейзажность, живописность, ландшафтные решения. Я живу в прибрежной зоне реки Тура, которую сам бог велел использовать таким образом, чтобы были места отдыха для горожан. Вот тот же самый Берлин, который может похвастать огромным количеством парковых зон, публичных городских мест. Причем, это исторически сложилось. Что делают там люди в парках? Они занимаются бесплатным спортом, они могут бегать и дышать свежим воздухом, потому что воздух отфильтровывают прекрасные большие старые неподстриженные деревья. Они загорают, делают уроки. Студенты готовятся к лекциям, влюбленные парочки заняты созерцанием друг друга. Дети гуляют с родителями. По пятницам турецкая диаспора регулярно делает гриль, как впрочем, и местные жители. Играют в футбол. То есть, можно выйти из своей квартиры и оказаться в месте, где есть реальная связь с природой, назовем ее городской. Можно не выезжать за город. Когда я путешествую, для меня всегда удача исследовать такие места. Когда я жила в центре Лондона, для меня было потрясением понять, как огромен Кенсингтонский сад, Гайд-парк, сколько там живых существ: белок, уток, лебедей. То есть, природа в городской среде возможна и не испытывает дискомфорта, я надеюсь, от такого близкого соседства с человеческой цивилизацией. Животных и птиц кормят, ими любят. Так возникает такое понятие, как «созерцание». В Тюмени возможность созерцания отсутствует.

Б. Т.: Это только в Тюмени или во всех российских городах?

Ольга Трофимова: Нет, не во всех. Я думаю, все мои сожаления, о которых до этого говорила, связаны с этим именно аспектом. Тюмень была раньше менее благоустроена, но были возможности для созерцания. Они были в разнообразии, многоплановости реальной жизни. Можно было приехать на то же самое Городище, пройтись по улочкам, увидеть момент красоты и замереть, наслаждаясь запахом травы, пением птиц. Это все было, потому что была та самая деревянная архитектура и те самые высокие деревья. Кроны деревьев — дома для птиц. Птица ведь не будет гнездиться на дереве, которое с регулярностью раз в год отпиливают. То есть, мы планомерно лишаем себя общения с природой. Мне кажется, что это абсолютно важный момент. Мы до этого констатировали, что наши современные строительные материалы визуально не реагируют на воздух, влагу, солнце. Все закатывается в асфальт. Деревьям отмеряется пятьдесят квадратных сантиметров для жизни, остальное закладывается плиткой и цементом. Пилят липы, березы, клены, руководствуясь неизвестным формуляром. Рабочие боятся послушаться приказа и механически, бездушно калечат те многие насаждения, которые героически спасают нас от нездорового воздуха и избытка каменных джунглей. Получается, что и современные дети растут, ничего не зная о законах мира, не понимая природы, не зная имен и повадок птиц и животных.

Культурный ландшафт Тюмени

Б. Т.: Вообще-то есть еще уточки на пруду возле Березовой рощи. Можно пойти к реке на набережную. Как ты относишься к новой набережной?

Ольга Трофимова: Я очень хорошо отношусь к тому, что у нас появился такой особый, продолжительный променад. К тому же мы получили необычную траекторию движения. В городе невозможно было долго и безмятежно прогуливаться. Набережная как проект предполагает новые ощущения и положительно позиционирует город.

Б. Т.: Да, там открывается вид интересный, панорама по ходу движения меняется, открывая ракурсы то на один собор, то сразу на несколько. Берег сильно изгибается.

Ольга Трофимова: Да, это замечательно. Но, опять же, там нет деревьев. У людей, пришедших прогуляться на набережную, возникает вопрос: что делать? Возможно, если бы на набережной оказалась группа художников, они бы нашли приложение своим состояниям. Но там появляются разнообразные люди, у которых возникают самые простые желания... Отсюда большое количество бутылок, съестного мусора. Люди проходят стрессничего неделанья. Эти проблемы, конечно, тоже надо было предвидеть. Скульптуры и другие достопримечательности, собственно, тоже из разряда культурных радостей, ну и для детей, которые могут спросить один или два раза, что это такое? После того, как они получают ответ, любопытство будет, видимо, навсегда удовлетворено. Вот если бы там были какие-то садово-парковые, ландшафтные карманы, где можно было бы остановиться, замедлить ход, полюбоваться. Там так же катастрофически не хватает деревьев, зелени, как и в городе. Там не хватает вертикалей. У горожанина должна быть возможность выйти из режима гонки, стресса. Для того, чтобы осмотреться, что происходит. Этот момент сакральный. Ощущение такое, что к городу относятся как к чистому, стерильному проекту, не учитывая очень важные составляющие, касающиеся жизни людей. Словно люди — механизмы, предназначенные для круговорота денег, заселения домов, движения автомобилей...

Б. Т.: Что бы ты предложила в качестве таких объектов для созерцания?

Ольга Трофимова: Природные парки. У нас их нет.

Здесь же хочу сказать про гибнущие ресурсы, дарованные нам природой. Это леса в окрестностях Тюмени. Они завалены свалками и строительным мусором. Посетители леса оставляют после себя зрелище совершенно недостойное.

Нужно приглашать людей, от которых зависят законы и их выполнение.

Еще для того, чтобы была возможность остановиться и осмотреться, нужны уличные кафе, как в большинстве европейских городов. В Тюмени был такой опыт в каком-то году, образовалось много мест, где люди могли проводить время за беседой. ... Без громкой музыки, которая так обыденна

в России, а ведь это, по сути, противоречит общению. В таких уличных кафе не должно быть музыкального насилия. Если мне интересен человек, с которым я там нахожусь, то достаточно его голоса, а для музыки есть клубы и другие специальные места.

Б. Т.: А должна быть в городе скульптура?

Ольга Трофимова: Она должна быть, но она должна быть очень талантлива, должна быть чуткой к мифологии места, в котором она появляется. Не должна быть громоздкой. Есть такая скульптура в Петербурге, «Чижик-пыжик» на Фонтанке, где он «водку пил». Ему бросают монетки. Его и воруют постоянно, а потом восстанавливают... А коты-то у нас живы?

Б. Т.: Да, с отбитыми хвостами, ободранной краской.

Ольга Трофимова: Кошки из гипса должны быть убраны. Или заменены на действительное произведение искусства. Я недавно увидела, что на здании рядом с бульваром кошек сняли этот огромный баннер, где написано «Тюмень — лучший город земли». Место сразу стало точнее, открылся архитектурный фасад. Через несколько дней повесили обратно. Какие-то странные идеологические моменты, которые имеют свою непонятную логику. Просто любопытно, почему так происходит, почему прежние разросшиеся деревья были вырублены, а появились странные глупые кошки, фасад здания скрыт? Во всем мире наоборот, пытаются сохранить зелень в городе. Когда в одном из берлинских районов решили выпрямить дорожку, которая шла вдоль канала, повторяя его изгибы, обходя старые столетние вязы, которые слишком разрослись, жители вывесили простыни, на которых было написано: «Не трогайте наши деревья!»

И деревья никто не посмел тронуть.

Б. Т.: У нас тоже был такой прецедент, помнишь, когда жители выразили протест против вырубки старых лип в небольшом сквере на перекрестке улиц Республики и Холодильной.

Ольга Трофимова: Да, но у нас существует множество способов, как избежать реакции горожан. Деревья вырубают, например, ранним утром. Ты однажды просыпаешься и видишь, что за окном нет деревьев. У нас расширили улицу Республики, якобы для легкости транспортного потока, и теперь все освободившееся от деревьев место заставлено припаркованными автомобилями. Уничтожается такая формообразующая вещь, как архитектурная перспектива. Мы сейчас не видим фасады домов, уходящую вдаль улицу. Мы видим только дизайн очереди автомобилей. Точно так же, как в Москве. На всех исторических улицах, естественно не широких, теперь не видно архитектуры, не видно города. Вокруг только автомобили. Абсолютно паническое состояние. И кстати, не решается ни транспортная, ни градостроительная проблема. А еще это просто некрасиво. Ведь город не рассчитан на такое количество личного транспорта. Решить проблему может развитие муниципального общественного транспорта. Приоритет общественного над персональным — это не какой-то идеологический дик-

Художественный ландшафт Тюшени

тат, это разумная необходимость. Во-первых, люди избавляются от пробок и легче достигают желаемой точки. Например, в Вене. Люди абсолютно не стремятся обзавестись личным транспортом, для них оказывается удобнее и дешевле пользоваться общественным транспортом: трамваями, автобусами, метро. Обозначив в Интернете маршрут, ты получаешь оптимальную схему проезда, актуальную для конкретного дня. Все скоординировано и хорошо работает, так что ты можешь максимально быстро переехать из одной точки города в другую.

Б. Т.: Думаешь, нам бы это помогло?

Ольга Трофимова: Конечно. Во-первых, нам не надо было бы менять настолько облик исторической планировки, меняя ширину дорог. Мы бы имели более экологическую атмосферу, благо, у нас мало промышленных предприятий в городе. Мы бы имели комфортные зоны продвижения как пешком, так и на транспорте. Мне кажутся печальной утратой наши троллейбусы. Такими вещами города обычно гордятся: наличием трамваев, велосипедов, разнообразием транспортных средств. Я вспомнила слова одного знакомого мальчика. Он живет в Вене. Ребенок 4 лет отказывается ездить на новых трамваях. Он все время говорит: «Мама, мы поедem на старом трамвае». Ему нравится дизайн старых вагонов. Это же не назовешь ностальгией или ретроградством. Просто ему нравится. Трамваи, как и троллейбусы — это же часть истории города.

Б. Т.: При чем, ведь, вспомни, для многих художников троллейбус был таким характерным, почти архетипическим символом города. Подобный сюжет есть у тебя, у О. Федорова.

Ольга Трофимова: Да, мы делали несколько лет назад со студентами акцию в защиту троллейбуса. Мы одевались нарочито красиво, в чайник наливали сок, брали с собой и фужеры и пластиковые стаканы, пили сами и угощали пассажиров троллейбусов. Пассажиры получали таким образом совсем другой опыт поездки — приятные эмоции налицо...

Нашим властям надо бы учитывать явления, которые не являются сугубо экономическими. Подобные акции, творческие перформансы выражают любовь к городу, создают любовь к родине, патриотизм.

У нас есть тенденция к стандартизации и уничтожению природного. Видимо, у нас столько было когда-то природных богатств, что к ним не относились, как к ценности. Мы не можем гордиться, даже самоутраиваться, что хоть что-то даем природе. Мы практически сейчас разрушаем все, к чему прикасается наша рука.

Б. Т.: Как ты думаешь, такое отношение к природе существует повсюду, во всем мире?

Ольга Трофимова: Это характерно для России. На Западе сейчас бережно относятся к окружающей природе, понимая, как зависим человек от ее состояния. Они ведь вырубали свои леса еще в Средневековье. Ландшафт с тех пор изменился, а разрушение планеты продолжается в других зонах:

на территориях развивающихся стран или сырьевых стран. Мы являемся сырьевой страной и теряем свои богатства. Нельзя относиться ко всему как средству получения денег. Это же очевидно. И нельзя захламлять окружающее пространство. Когда сейчас видишь эти груды промышленного мусора в лесу, то поневоле начинаешь гораздо хуже относиться к людям. У них нет никаких причин, чтобы поступать подобным образом: ни экономических, ни других. Это просто какая-то неряшливость, пофигизм, какой-то внутренний разврат.

Б. Т.: Среди всех виденных тобой есть город, который ты могла бы назвать идеальным для проживания?

Ольга Трофимова: Скорее, отдельные районы, коллаж из многих населенных пунктов. Я могу сказать, что очень приятно существовать в европейском селе. Но чтобы работать, нужно жить в городе. В отношении к родному городу, на мой взгляд, требуется возрождение творческого, созидательного состояния на личностном уровне, а также личной ответственности.

Б. Т.: Видимо, все-таки город — это не архитектура, достопримечательности и история, город — это люди. Мы сами определяем его лицо. И требуется-то минимум усилий: всего лишь не пакостить там, где живешь. Если бы каждый относился к городу, как к собственному дому, здесь хотелось бы жить, сюда хотелось бы возвращаться.

Александр
Аркадьевич
ШУКЛИН

О ЛИТЕРАТУРЕ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ТЮМЕНСКОМ РЕГИОНЕ

В статье рассматриваются особенности исторического развития литературы российских немцев. Автором анализируются перспективы ее дальнейшего развития в литературном процессе Тюменского региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Российские немцы, депортация, немцы Сибири, российско-немецкая литература, национальная идентичность, ментальность, эмиграция, родина.

В авторитетном источнике — статье Г. Бельгера «Немцев российских литература» в словаре «Литература народов России» (ИМЛИ им. А. М. Горького, 2005) исследователь пишет, что «литература российских немцев охватывает литературу немцев России и бывшего СССР, а также этнических немцев, эмигрировавших из бывшего СССР в Германию». Отмечается так-